

25 января (7 февраля)

Священномученик
Василий (Зеленцов),
епископ Прилукский, викарий Полтавской епархии

Священномученик Василий родился 8 марта 1876 года в селе Зимарово Зимаровской волости Раненбургского уезда Рязанской губернии в семье священника Иоанна Зеленцова, служившего в Боголюбской церкви в этом селе, и в крещении наречен был Василием.

Окончив Рязанскую Духовную семинарию, Василий в 1896 году поступил в Московскую Духовную академию, которую окончил в 1900 году со степенью кандидата богословия, причем наибольших успехов в академии он достиг по предметам, изучающим историю западных исповеданий и русского раскола. В 1900 году Василий Зеленцов был назначен помощником инспектора в Красноярскую Духовную семинарию, где с 1901 года преподавал в четвертом и пятом классах практическое руководство для пастырей и литургику и в третьих и четвертых классах – Священное Писание, историю и обличение русского раскола и обличительное богословие, а также исполнял обязанности библиотекаря семинарии. В 1902–1903 годах он, кроме основных обязанностей по семинарии, состоял членом правления и казначеем Общества святого благоверного князя Александра Невского для вспомоществования нуждающимся учащимся духовно-учебных заведений Красноярска. В 1903 году Василий Иванович был членом совета и казначеем Красноярского Братства Рождества Пресвятой Богородицы.

Однако первые его педагогические занятия оказались не вполне успешными. Он желал сблизиться с учениками и войти с ними в доверительные отношения, но это привело к тому, что ученики старших классов становились в его присутствии нарочито развязны, а их примеру следовали и ученики младших классов; им Василий Иванович делал строгие замечания, иногда в этой строгости превосходя инспектора.

В 1903 году он выступил ходатаем от лица учеников перед ректором, передав ему рапорт от учеников «с выражением желания и просьбы... чтобы на новой семинарской усадьбе не устроилась... прачечная мастерская ввиду серьезной опасности, какая угрожает их нравственности... вследствие допущения к работам... женщин легкого поведения».

Через несколько дней после подачи рапорта в семинарии начались беспорядки. Правящий архиерей, видя, что у преподавателя нет единомыслия с ректором и инспектором семинарии, предложил ему ехать в Санкт-Петербург и просить перевода на другое место.

29 января 1904 года Василий Иванович был назначен учителем русского языка в старших классах Мариупольского духовного училища и временно преподавателем латинского языка во втором и третьем классах училища. Все свободное время он отдавал чтению и изучению Священного Писания как единственно спасительного руководства для жизни и, в конце концов, стал тяготиться преподаванием языка. 11 мая 1908 года он направил в Учебный комитет при Святейшем Синоде прошение, – чтобы в случае открывшейся в учебных заведениях Забайкальской Сибири вакансии преподавателя Священного

Писания, догматического богословия или церковной истории перевести его на таковую. Узнав, что освободилось место преподавателя Священного Писания в Рязанской Духовной семинарии, Василий Иванович попросил перевести его на это место. Однако, не имея больших надежд на то, что просьба будет исполнена, он 18 июня снова обратился в Учебный комитет. «10 апреля сего 1909 года, – писал он, – я подал в Учебный комитет прошение о переводе меня преподавателем Священного Писания в Рязанскую Духовную семинарию, мотивировав это прошение тем, что Священное Писание есть предмет моих постоянных занятий в часы досуга от исполнения официальных моих обязанностей (преподавания русского языка), и тем, что Рязанская губерния моя родина. Так как всегда могут оказаться на означенную вакансию кандидаты и достойнейшие меня, то, не особенно сильно надеясь на удовлетворение сего моего прошения, позволяю себе еще обратиться в Учебный комитет с просьбой: в случае неназначения моего в Рязань на Священное Писание перевести меня преподавателем греческого языка в Благовещенскую Духовную семинарию».

Ревизовавший училище сотрудник Учебного комитета Савваитский, характеризуя Василия Ивановича как человека религиозного и с аскетической настроенностью, писал, что его «воспитанники... с должным вниманием относились к серьезным и обстоятельным объяснениям основательно знающего свой предмет наставника».

Материальное положение семьи Зеленцовых тогда было нелегким. Отец-священник, прослуживший тридцать восемь лет в селе Зимарово, собирался выходить за штат. С ним жила старенькая его супруга. На их иждивении находилась дочь, учившаяся на высших женских курсах в Москве, а также жена покойного сына с шестью сиротами, старшему из которых едва минуло десять лет. В этих условиях Василий Иванович становился единственным помощником семьи, и 1 мая 1912 года он обратился в Учебный комитет с просьбой перевести его на службу в Рязанскую епархию. «При этом прошу позволения высказать, – писал он, – что больше всего желал бы, в случае моего перевода, занять кафедру Священного Писания (знакома мне настолько, что в 1912 году я свободные часы отдаю публичной борьбе с мариупольскими сектантами: штундистами и адвентистами-субботниками), или церковной истории, или гомилетики...»

Просьба Василия Ивановича не была удовлетворена, но 15 августа 1912 года епископ Екатеринославский Агапит (Вишневский) назначил его на должность окружного миссионера Екатеринославской епархии. 28 августа 1913 года Василий Иванович получил место преподавателя обличительного богословия, истории и обличения раскола в Екатеринославской Духовной семинарии. Однако необходимость помогать племянникам-сиротам вынудила его просить Учебный комитет перевести его преподавателем в одно из учебных заведений Центральной России, и 24 декабря 1913 года он был назначен преподавателем в Казанскую Духовную семинарию. К этому времени епископ Агапит вполне оценил образованного, ревностного и энергичного миссионера и, не желая терять усердного труженика на ниве Христовой для своей епархии, предложил ему удовлетворительные условия службы, и 11 января 1914 года Василий Зеленцов был назначен Мариупольским окружным миссионером Екатеринославской епархии.

Как миссионер, он принимал самое активное участие во время богослужений в качестве проповедника. Когда в епархии устраивался крестный ход с чудотворной иконой, время прохождения которого иногда растягивалось на

несколько месяцев, Василий Иванович, как епархиальный миссионер, становился его участником и проповедовал, бывало, за каждым богослужением утром и вечером.

В 1917 году Василий Иванович Зеленцов был избран членом Поместного Собора Российской Православной Церкви от мирян Рязанской епархии и стал его активным участником. Широкая полемика развернулась тогда по вопросам, касающимся взаимоотношений Церкви и государства. В то время еще не было опыта таких отношений из-за двухсотлетней зависимости Церкви от государства, явившейся тяжелым наследием предшествующего периода, для изжития которого недостаточно оказалось и самих гонений; некоторые выступавшие на Соборе, не вполне сознавая глубину происшедших в стране перемен, надеялись получить от государства содержание в виде определенных законом бюджетных статей и были готовы взамен пожертвовать церковной свободой, поставив Церковь под надзор государства. Другие резко выступали против этого, призывая Собор не накладывать на себя путы и не ставить Церковь в зависимость и под наблюдение неведомого еще государства.

«Для чего нам напрашиваться на это наблюдение, – сказал Василий Иванович на Соборе, – когда средства, которые Церковь получает от государства, – ее собственные средства? Ведь от государства мы получаем и будем получать меньше, чем государство собирает с членов Православной Церкви... Мы должны ожидать целого ряда законов, которые будут вредны для Церкви... Церковь есть Царство Христово, “Царство не от мира сего”. Пусть государство – тоже богоустановленное учреждение. Они могут быть в союзе, но Церковь никак не должна быть подчинена государству, как было с Петра Великого, когда на Церковь смотрели как на ведомство православного исповедания и Церковь была признана культурно-просветительным учреждением, находящимся в подчинении у государства. Церковь по своей природе и происхождению самостоятельна».

Жаркие дебаты возникли и тогда, когда до Собора дошли сведения, что в Киеве планируется созвать Собор украинских епископов, и в этой связи обнаружилась необходимость послать делегацию в Киев. Василий Иванович Зеленцов в этом случае выступил с резкой критикой самой идеи Украинского Собора и автокефалии Украинской Церкви, мотивируя это тем, что Украина не смогла сохранить православие, дошла до унии, а малороссийские архиереи при Петре I сыграли отрицательную роль; угождая Петру I, они помогли ему упразднить патриаршество.

По окончании работы Собора Василий Иванович в 1918 году был послан миссионером в Полтавскую епархию. В 1919 году архиепископ Полтавский Феофан (Быстров) рукоположил его во священника к Троицкой церкви Полтавы. В Полтаве отец Василий активно занялся миссионерской деятельностью и как миссионер часто проповедовал в храмах города.

Началась гражданская война, и в июле 1919 года город заняли войска генерала Деникина. Отец Василий стал выступать с проповедями в поддержку деникинского движения в Троицкой церкви и, по благословению архиепископа, в городском соборе. После совершения молебнов на городских площадях он призывал жителей Полтавы поддержать белое движение. Когда деникинская армия стала уходить из города, а вместе с нею и часть духовенства, отец Василий решил остаться, но обратился к Полтавскому губернатору с просьбой, чтобы для эвакуирующегося духовенства был предоставлен отдельный вагон, каковая просьба и была исполнена. Ушедший с белыми настоятель храма кадетского

корпуса протоиерей Сергей Четвериков отдал часть церковного имущества отцу Василию и написал, кому его следует передать. Впоследствии отец Василий исполнил это поручение, и при передаче ценностей ему была дана соответствующая расписка, которая была изъята у него при обыске во время кампании по изъятию церковных ценностей в 1922 году и явилась как бы «доказательством» его вины.

Отец Василий в Полтаве занимался широкой миссионерской деятельностью, пешком обходя окраины города для просвещения сектантов, баптистов, католиков и евреев. Одновременно с этим он занимался щедрой благотворительностью; высоко ставя призыв Христа к милосердию, он помог многим неимущим. Зная отца Василия рассказывали о нем: «Он так нежно и кротко по-христиански умел подойти к страдающему человеку, так по-матерински обласкать унывающую и страждущую душу, что невольно покорял заблуждающихся, которые говорили: “вот это действительно христианин”». Кроме помощи бедным, отец Василий содержал на своем иждивении четырех сирот, детей умершего брата.

Для деятельного противодействия государственному безбожию отец Василий организовал при Троицкой церкви Покровское Христианское общество молодежи.

Священник стал широко известен в Полтаве и ее окрестностях мужественными, исполненными глубокой веры проповедями и вдохновенным богослужением, причем он привлекал к участию в церковном богослужении всех молящихся. Со временем многие прихожане изучили церковное богослужение настолько, что могли свободно участвовать в нем. Воскресными вечерами в Троицком храме устраивались духовные беседы с чтением акафиста, когда пел весь народ.

Во время изъятия в 1922 году церковных ценностей из храмов под предлогом помощи голодающим отец Василий выступил против ограбления властями церквей. Он обратился к прихожанам своего и других храмов с призывом жертвовать хлеб для голодающих, а к властям – с просьбой сообщить, сколько нужно хлеба. «Мы дадим вам вдвое и втрое больше, но не трогайте наших храмов», – говорил он, обращаясь к представителям власти. Призывая в своих проповедях к оказанию помощи голодающим, он выступал противником передачи безбожникам богослужебных предметов, будучи уверен, что они до голодающих не дойдут.

Власти не приняли предложение священника о замене богослужебных предметов пожертвованиями, и началось массовое ограбление храмов. В это время к отцу Василию попала телеграмма начальника Полтавского ГПУ Линде, отправленная вышестоящему начальству в Харьков, в которой тот отчитывался о ходе кампании по изъятию ценностей на 29 апреля 1922 года и, в частности, сообщал о намерении ГПУ приступить к арестам духовенства. Ознакомившись с телеграммой, отец Василий немедленно сообщил о ее содержании духовенству.

30 мая 1922 года отец Василий был арестован и заключен в тюрьму в Полтаве. Первое время он находился в общей камере и все продукты, которые ему передавали, раздавал заключенным. Нравственное влияние священника на остальных узников оказалось столь велико, что в конце концов отец Василий был переведен в одиночку. Дети-сироты, которых он воспитывал, узнав, куда выходит окно камеры, стали часто приходить на площадь напротив тюрьмы и, делая вид, что играют, получали через зарешеченное окно благословение священника.

Судебный процесс над отцом Василием был устроен как публичный и показательный и проходил в здании Полтавского музыкального училища с 9 по 12 августа 1922 года. Весь город желал присутствовать на процессе. Чтобы попасть в зал, надо было прийти задолго до начала заседания и занять место. Большой зал был битком набит людьми, сотни людей собрались перед зданием на площади.

Посредине высокой эстрады был поставлен большой стол, за которым расположились судьи, слева от них за отдельным столом разместился прокурор, справа в стороне был поставлен маленький столик для отца Василия; рядом был небольшой столик защитника, за которым сидел известный в городе и уважаемый всеми юрист. На столике священника были разложены бумаги и лежало Евангелие, которое отец Василий читал во время перерыва.

Государственным обвинителем был сын священника из Западной Украины Бендеровский, имевший высшее юридическое образование; во все время процесса он проклинал, ругался, грозился и требовал самого жесткого приговора для обвиняемого. В качестве свидетеля выступил начальник Полтавского ГПУ латыш Линде; характеризуя свое отношение к отцу Василию, он зло произнес: «Как слугителя культа и как врага советской власти я вас с удовольствием расстрелял бы, но признаюсь, что я уважаю вас как человека убежденного и стойкого...»

Начиная свое последнее слово, отец Василий осенил себя крестным знаменем и сказал приблизительно следующее: «Много за эти дни говорили против меня, со многим я не согласен, и многие обвинения я мог бы опровергнуть. Я приготовил большую речь по пунктам, но я сейчас скажу немного. Я уже заявлял вам и еще раз заявляю, что я лоялен к советской власти как таковой, ибо она, как и все, послана нам свыше... Но где дело касается веры Христовой, касается храмов Божиих и человеческих душ, там я боролся, борюсь и буду бороться до последнего моего вздоха с представителями этой власти; позорно, грешно было бы мне, воину Христову, носящему этот святой крест на груди, защищать лично себя, в то время как враги ополчились и объявили войну Самому Христу. Я понимаю, что вы делаете мне идейный вызов, и я его принимаю...»

В это время в зале поднялся шум и послышались возгласы: «Поп агитацией занимается... поп зазнается, чего с ним возиться – пулю ему».

Председатель суда сделал попытку прервать речь подсудимого, но отец Василий перебил его и сказал: «Дайте мне докончить, это мое право, – и, обращаясь к судьям, закончил: – Я принимаю ваш вызов, и какое бы наказание вы ни вынесли мне, я должен его перенести твердо, без страха, даже смерть готов принять, ибо нет награды выше, чем награда на небесах».

Завершив последнее слово, отец Василий поклонился залу, и суд удалился на совещание, а священник углубился в чтение книги.

12 августа 1922 года отцу Василию был зачитан приговор, его обвинили в содействии деникинцам, выразившемся в том, что он «призывал население к активной борьбе с варварами-большевиками, как гонителями, по его, Зеленцова, выражению, Евангелия и Православной Церкви, предлагая населению поддерживать кто чем может Добровольческую армию», в разглашении телеграммы ОГПУ, имевшей, по мнению суда, «характер государственной тайны», в сокрытии церковных ценностей храма кадетского корпуса. «Для полноты характеристики личности священника Зеленцова, – читал обвинитель приговор, –

необходимо указать, что Зеленцов с высшим образованием, хорошо разбирается в происходящих исторических событиях, дает себе полный отчет в своей деятельности... Вся деятельность Зеленцова, на протяжении четырех лет направленная к борьбе с советской властью, а равно и заявление гражданина Зеленцова, что своих убеждений он не меняет, заставляет революционный трибунал рассматривать гражданина Зеленцова как определенного, нераскаявшегося контрреволюционера и врага трудящихся масс, а посему революционный трибунал, руководствуясь интересами республики и революционной совестью, приговорил: гражданина Зеленцова Василия Ивановича – расстрелять».

При последних словах приговора в зале поднялся шум и раздались крики: «Убийцы проклятые!» – «Будьте вы прокляты!» – «Батюшка, дорогой, спаси вас Христос!» – «Отец Василий, благословите нас!»

Священник, услышав последнее слово – «расстрелять», широко перекрестился и, благословляя присутствовавших, стал с улыбкой успокаивать их: «Господь с вами, успокойтесь, все в Божьей воле, смотрите, ведь я спокоен, идите с миром по домам».

Сразу после этих слов священника плотным кольцом окружила стража и увела. На улице в это время конная милиция с неистовством разгоняла народ. Отца Василия вывели и под усиленным конвоем повели по улице, часть людей устремилась за ним.

Священника после приговора заключили в камеру смертников, и он стал готовиться к христианской кончине; у приговоренного было радостное, счастливое настроение, точно он как можно скорее желал разрешиться и быть со Христом. Но Господу было угодно, чтобы он еще потрудился в сане епископа.

Адвокат отца Василия подал кассационную жалобу в Верховный трибунал. Сразу же после вынесения приговора делегаты от полтавских заводов выехали в Москву, чтобы хлопотать за священника перед верховной властью. 20 августа 1922 года Верховный трибунал принял решение о замене смертной казни пятью годами тюремного заключения. 15 декабря копия приговора была получена администрацией тюрьмы и зачитана обвиняемому. Услышав, что приговор изменен, отец Василий огорчился. Срок заключения священник должен был отбывать в общей камере.

Верующие Полтавы не забывали узника, почти каждый день в тюрьму передавались продукты и цветы, и скоро в полтавской прессе началась агитационная кампания против священника; один из безбожников, некий Капельгородский, опубликовал в газете «Большевик Полтавщины» сатирический акафист, в котором он высмеивал священника как слугу Бога и Церкви, «пророчески» предрекая будущее его прославление в Церкви.

Среди заключенных, не исключая уголовников, отец Василий пользовался огромным уважением и любовью, все его непременно называли «наш батюшка», «наш Василий», «наш отец»; заключенные избавляли его от выполнения тюремных нарядов, брали их на себя, а если кто из заключенных или надзирателей начинал вести себя со священником неуважительно и грубо, то другие тут же вставали на защиту пастыря. Это не понравилось полтавской тюремной администрации, и священника перевели на оставшийся срок в харьковскую тюрьму.

В 1925 году отец Василий подал прошение властям о досрочном освобождении. В июне 1925 года при обзрении харьковской тюрьмы

контрольной комиссией он заявил ее представителям: «Убедившись, что советская власть стала народной властью, и уважая право народа самому по своему желанию выбирать и организовывать себе верховное правительство, я теперь ишу мира с советской властью, обещаюсь по выходе из заключения отдать все свои силы исключительно на служение Церкви».

12 июня 1925 года отец Василий был досрочно освобожден и вернулся к своей пастве в Полтаву. Еще будучи в заключении, священник помогал одной нищей, сидевшей у стен тюрьмы с маленьким мальчиком и просившей подаяния. Когда нищая умерла, он взял на свое попечение мальчика и стал заботиться о нем.

В это время в пределах Полтавской епархии возник лубенский раскол, который возглавил епископ Феофил (Булдовский) при активной поддержке ОГПУ. Отец Василий стал выступать с проповедями и объяснениями, касающимися этого нового движения, и благодаря этому раскол не получил широкого распространения в епархии. В Троицкий храм, где он был настоятелем, отец Василий приглашал проповедовать во время богослужений тех священников, которые были сторонниками епископа Феофила, чтобы они православному народу разъяснили свои позиции. На прихожан, слушавших проповеди отца Василия и других православных священников, а также и сторонников епископа Феофила, разница между правдой православия и глубиной заблуждения раскольников произвела огромное впечатление, и если кто и сомневался, нет ли правды и в этом новом национальном малороссийском религиозном движении, то, по выслушивании сторон, у него не оставалось ни малейшего сомнения в правоте православия, которое олицетворяла в России Патриаршая Церковь.

Активная деятельность настоятеля Троицкой церкви против раскольников была быстро замечена ОГПУ, и 13 августа 1925 года отец Василий был вызван на допрос. Его обвинили в том, что он устраивает в храме религиозные диспуты и тем самым производит возмущение среди населения города.

На предъявленные обвинения отец Василий ответил: «26 июля 1925 года в Троицкой церкви было обычное, совершаемое еженедельно в течение уже целого ряда лет богослужение с проповедями церковно-религиозного содержания. Богослужение совершал я, как настоятель Троицкой церкви. Проповедовали я и приглашенные мною для проповеди совместно со мною священники... Проповеди сводились к богословскому освещению вопроса о том, совершила ли грех перед Богом лубенская организация епископов (Феофил Булдовский и его сотрудники), вводя в церковную жизнь новую, ими выработанную программу церковной жизни. В целях всестороннего и беспристрастного выяснения этого вопроса перед верующими мною были приглашены... к проповедованию... два священника, держащиеся иного богословского взгляда по данному вопросу. При этом мною старательно принимались все меры к тому, чтобы выступление проповедников с неодинаковыми богословскими воззрениями по одному и тому же вопросу не придало такому проповедованию... характера диспута... оставалось в рамках богослужебной проповеди и чтобы богослужение осталось богослужением, а не собранием с целью богословского диспута. К сожалению, некоторые из присутствовавших (а церковь была наполнена людьми от алтаря и почти до входных дверей, и вообще на этих вечерних богослужениях по воскресеньям церковь наша бывает наполнена людьми), вероятно слишком заинтересовавшись предметом проповеди, стали позволять себе делать замечания проповедникам,

так что пришлось призвать их соблюдать тишину и окончить проповедование раньше, чем тема проповеди была достаточно всесторонне раскрыта».

Власти не вполне были удовлетворены показаниями отца Василия, и 15 августа ему пришлось давать уполномоченному ОГПУ дополнительные объяснения: «Что касается случившихся во время нашего проповедования замечаний, сделанных некоторыми из слушателей по адресу проповедников, то я находил, что, нарушая благоговение, которое должно быть при богослужении, эти замечания еще не были настолько непристойны, чтобы их считать “нарушением общественного порядка”...

Подводя итог тому, что произошло на воскресном, обычном, а не каком-либо особом вечернем богослужебном собрании в Троицкой церкви, принимая во внимание, что проповедь есть составная часть богослужения, я нахожу, что, если не считать упомянутых выше замечаний публики проповедникам, на этом богослужении была лишь одна особенность: проповедники были не согласны между собою во взглядах на один и тот же предмет. Но в последние годы, вследствие все увеличивающегося религиозного разномыслия среди бывших раньше единодушно православными, выступление проповедников с разными взглядами на богослужении стало довольно не редким...»

Отец Василий был после допросов освобожден, и в августе 1925 года архиепископ Полтавский Григорий (Лисовский) постриг его в мантию с оставлением того же имени и возвел в сан архимандрита. 25 августа 1925 года архиепископ Полтавский Григорий и тайно прибывший в Полтаву епископ Глуховский Дамаскин (Цедрик) в Троицком храме хиротонисали архимандрита Василия во епископа Прилукского, викария Полтавской епархии. Архиепископ Григорий благословил новохиротонисанного владыку оставаться в Полтаве. При наречении архимандрит Василий сказал речь, которая потрясла многих, так как она, в отличие от общепринятых торжественных речей, произносимых в этих случаях, скорее походила на клятву верности в служении святой Церкви Христовой и обещание «до последнего издыхания» бороться со всеми богоотступниками, богохульниками, живоцерковниками, самосвятами и деятелями лубенского раскола.

Служить владыка Василий остался в Троицкой церкви, но по приглашению духовенства охотно служил и в других храмах Полтавы. С первых же дней он в своих проповедях стал призывать к борьбе с врагами Христа: «никаких поблажек им, никаких компромиссов с ними, бороться и бороться с врагами Христа, не бояться пыток и смерти, ибо страдания за Него – высшее счастье, высшая радость», – проповедовал он. Бывало, близкие люди говорили ему после богослужения: «Владыка, ну зачем вы все это говорите? В церкви постоянно шпионы, следят за вами, слушают и доносят, и мы боимся за вас». На это он иногда отвечал с улыбкой: «Да что же особенного такого я сказал, я, право, не знаю, – они не такого заслуживают. Ну, хорошо, я больше не буду, успокойтесь, идите с миром по домам». Но возмущение лживостью и лукавством раскольников, которых ради разрушения Церкви активно поддерживала безбожная государственная власть, было столь велико, что на следующий день в пламенной проповеди он вновь и вновь возвращался к этим темам, так как они волновали прежде всего его самого, как архиерея и блюстителя чистоты православия.

Храмы, где служил владыка, были всегда полны народа, который стремился побывать на совершаемых им богослужениях, чтобы помолиться вместе с ним и

услышать его проповедь. Проповеди его привлекали не ораторским даром слова, не красноречием – он ими не обладал, – а своей верой, бесстрашием, искренностью, в его слова слышалась твердая готовность умереть за Христа. Владыку всегда окружала группа молодежи, которая провожала его из храма домой. Со всеми епископ был ласков, приветлив, всех знал по именам, как свою родную и близкую сердцу семью.

*Василий, епископ Прилукский, викарий Полтавской епархии.
1925 год*

Кроме служения в епархии, епископ принимал активное участие в решении всех, тогда весьма неожиданно возникавших, церковных вопросов, своим происхождением иногда почти целиком обязанных государственной власти. Осенью 1925 года выяснилось, что представитель советской власти, уполномоченный по церковным делам Украины, Карин ставит основной целью своей деятельности отделение Украинской Православной Церкви от Патриаршей. Обменявшись мнениями с архиереями соседних областей, епископ Василий обратился к Карину с ходатайством о разрешении созыва Собора епископов Украины, на котором был бы поставлен вопрос об отделении Украинской Православной Церкви от Патриаршей на правах автокефалии, но чтобы непременно условием созыва такого Собора было благословение Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Петра (Полянского), а иначе Собор окажется не православным, а раскольничьим и его решения не будут

приняты Православной Церковью. Карин ответил, что Собор может быть разрешен только в том случае, если на созыв его не будет благословения митрополита Петра. Владыка на это заметил, а что если Собор в свои постановления внесет пункты, осуждающие политическую деятельность церковных деятелей за рубежом, а также осуждающие их сторонников внутри России, будет ли тогда разрешен Собор с испрошением благословения на его созыв митрополита Петра. Карин ответил, что и тогда Собор будет разрешен только в том случае, если он соберется без благословения митрополита Петра.

После того, как в декабре 1925 года власти арестовали Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра, был создан при поддержке советской власти ВВЦС. Епископ Василий выехал в Москву для выяснений обстоятельств происшедшего. Он дважды беседовал с членом ВВЦС епископом Можайским Борисом (Рукиным), а также имел продолжительные беседы на квартире епископа Бориса с епископами Вассианом (Пятницким) и Иннокентием (Бусыгиным). Епископ Василий присутствовал также при переговорах председателя ВВЦС архиепископа Екатеринбургского Григория (Яцковского) с экзархом Украины митрополитом Михаилом (Ермаковым). В результате этих встреч епископ Василий составил себе довольно ясное представление о происходящем. ВВЦС мог бы стать каноническим учреждением при условии, если бы его возглавил митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский), но это было невозможно по ряду обстоятельств: начальник 6-го отделения секретного отдела ОГПУ Тучков поставил перед ВВЦС условие, что Русская Православная Церковь должна отказаться от патриаршего управления, а кроме того, в составе ВВЦС оказались лица, заботящиеся удовлетворить своему честолюбию и личным целям; «движимые этими личными целями, они решительно и устойчиво стали на неканонический путь, самозвано объявив себя высшим правительством Церкви». Оставалось только призвать епископов, входящих в состав ВВЦС, к покаянию и парализовать тот вред, который ВВЦС приносил Церкви. Съездив к митрополиту Сергию в Нижний Новгород, епископ Василий высказал ему свое суждение о новообразованной церковной организации и 1 марта 1926 года направил письмо архиепископу Григорию (Яцковскому) с требованием прекратить раскольническую деятельность.

В апреле 1926 года возникла новая смута – митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский) объявил, что вступает в права Местоблюстителя, хотя и не имел на это канонических прав. Епископ Василий поддержал заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия и 6 мая 1926 года направил митрополиту Агафангелу письмо с просьбой отказаться от неканонических действий.

27 августа 1926 года власти вызвали епископа Василия в Харьков, и здесь, вдалеке от своей паствы, он был арестован и отправлен в Бутырскую тюрьму в Москву.

Объясняя свою позицию по отношению к советской власти, епископ Василий писал: «...Если советская власть не будет ни намеренно, ни ненамеренно требовать от Православной Церкви ее самоубийства и саморазрушения (то есть отказа от устоев Православия), я считаю вполне возможными нормальные отношения между Православной Церковью и советской властью. К сожалению, если советская власть находит основания обвинять часть православных в прошлом или настоящем в нелояльном отношении к ней, то, с другой стороны, и Православная Церковь получает от советской власти... удары по своим устоям.

Нормальные отношения еще впереди».

30 августа 1926 года сотрудники Полтавского ОГПУ составили обвинительное заключение, так охарактеризовав епископа: «Желая создать себе авторитет и, кроме того, усилить тихоновщину как таковую, гражданин Зеленцов созывает нелегальный диспут с булдовцами, во время которого старается доказать, что единственная правая церковь это тихоновская...

Почувствовав под собой твердую почву в лице своего авторитета среди верующих, Зеленцов переходит к будированию всей массы, подстрекая последнюю активно выступить и потребовать тихоновскому течению привилегий. Поводом к такому выступлению послужила периодическая проверка имущества церковей всех религиозных течений и культов, когда Зеленцов, распространив среди верующих слух о том, что проверка ведет к передаче церковей другой религиозной группировке, потребовал от последних, чтобы они собрались и своим массовым выступлением заставили власть отказаться от политики передачи какой-либо тихоновской церкви в использование другой религиозной группировке.

В дальнейшем Зеленцов настраивал массы перейти от защиты в наступление, и в результате такой работы толпа тихоновцев в конце мая месяца несколько раз подходила к собору, находящемуся в пользовании Синодальной группы, с целью захвата силой собора в свои руки, но присутствие в соборе большого количества молящихся обновленцев во время архиерейской службы не дало возможность осуществить план тихоновцев. Одновременно с этим Зеленцов, помимо синодальной группировки, возбуждает массу против всех легальных церковных группировок, указывая на то, что эти группировки тесно связаны с властью и проводят работу по указаниям власти».

24 сентября 1926 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило епископа Василия к трем годам заключения в концентрационном лагере, обвинив его в «дискредитации советской власти», и он был отправлен на Соловки.

16 (29) июля 1927 года вышла декларация митрополита Сергия; ознакомившись с ней, епископ Василий выразил свое несогласие с ее содержанием и направил митрополиту сначала письмо, а затем и целое послание под названием «Необходимые канонические поправки к Посланию Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия и Временного при нем Патриаршего Священного Синода от 16 (29) июля 1927 г.», в котором выражал главную свою идею о независимости Церкви от государства: «Каноническая законность Всероссийского Православного Поместного Общецерковного Собора 1917/18 годов признана всеми Православными Церквами и не встречает возражения даже со стороны отщепенцев от Всероссийской Православной Церкви, отколовшихся от нее в революционное время.

Постановление этого Собора от 2 (15) августа 1918 года содержит в себе отказ Всероссийской Православной Церкви вести впредь церковную политику в нашей стране и, оставив политику частным занятием членов Церкви, дало каждому члену нашей Церкви свободу уклоняться от политической деятельности в том направлении, какое подсказывает ему его православная совесть; причем никто не имеет права принуждать церковными мерами (прямо или косвенно) другого члена Церкви примыкать к чьей-либо политике...

Поэтому... ни Всероссийский Патриарх, ни его заместители и местоблюстители и вообще никто во Всероссийской Православной Церкви не имеет канонического права назвать свою или чужую политику церковной, то есть

политикой Всероссийской Церкви как религиозного учреждения, а должны называть свою политику только своей личной или групповой политикой.

Никто во Всероссийской Православной Церкви не может принуждать (прямо или косвенно) церковными мерами другого члена Церкви примыкать к чьей-либо политике, хотя бы и патриаршей.

Политика же митрополита Сергия и его Синода, как и политика почившего Патриарха Тихона, как и политика Карловацкого собора, суть только их личные, групповые политики, а не церковные политики и ни для кого не обязательны, и никто не имеет права канонического принуждать церковными мерами кого-либо примыкать к какой-либо из этих политик.

Стараниям митрополита Сергия и его Священного Синода добиться от гонящих Всероссийскую Православную Церковь большевиков мирного отношения к ней Церковь не может не сочувствовать, ибо христианам заповедано от Бога: “если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми” (Рим. 12, 18). Но Христос разрешает Церкви принять от митрополита Сергия и его Священного Синода только такое примирение с гонителями ее, большевиками и их советской властью, которое действительно будет миром Христовым, то есть миром такого содержания и качества, каких требует Христос, сказавши: “Ищите прежде всего Царствия Божия и правды Его” (Мф. 6, 33), а не земного благополучия и безопасности, ибо всякий иной мир безусловно запрещен Церкви Христом на все веки и вечность...»

22 октября 1928 года епископ Василий был досрочно освобожден из Соловецкого лагеря и выслан на три года в Сибирь; он поселился в деревне Пьяново Братского района Иркутского округа. Первое время владыка отдыхал от тяжелого этапа, а затем принялся за богословские работы. Но не долго ему пришлось прожить здесь.

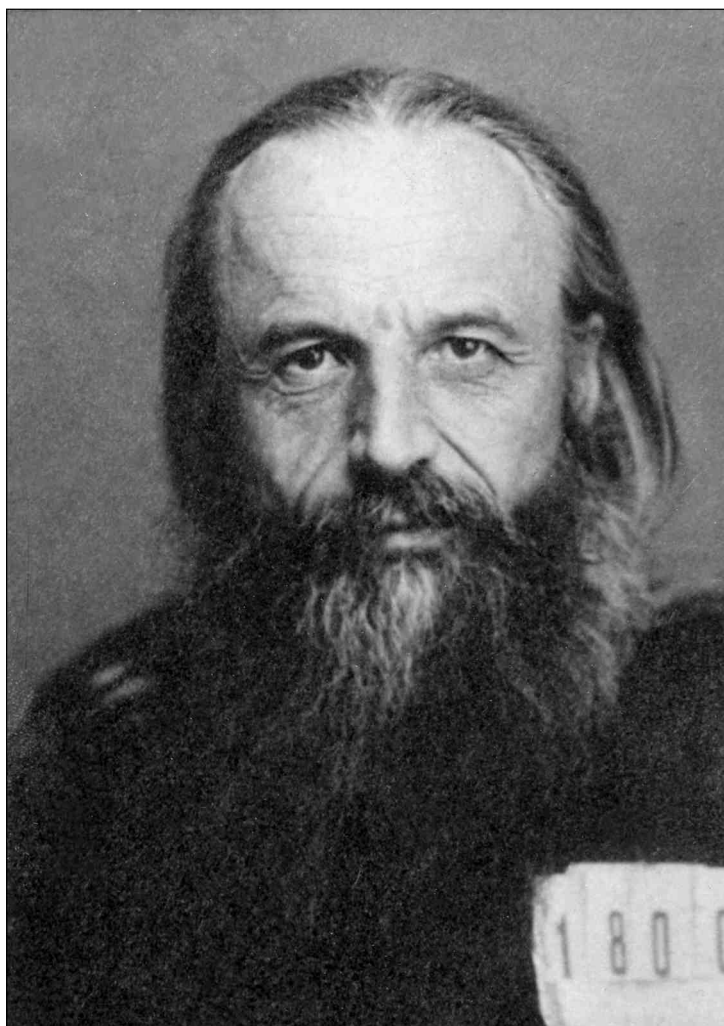
1 декабря 1929 года последовало распоряжение ОГПУ об аресте епископа. Деревня была расположена в глухом месте, и только 9 декабря сотрудники ОГПУ добрались до нее, произвели обыск, изъяв все рукописи и письма, и арестовали епископа.

В конце декабря уполномоченный Иркутского ОГПУ приступил к допросам епископа и прежде всего спросил, на какие средства он жил и чем занимался в ссылке. Владыка ответил, что живет он на пожертвования прихожан как Полтавской области, так и других, а также Полтавского епархиального управления. «За время пребывания в ссылке в Братском районе, – сказал он, – я начал ряд богословских работ на темы: перевод литургии на русский язык с богословскими примечаниями, Библейские пояснения к книге Апокалипсис и ряд заметок по разным Библейским вопросам, каноническое положение неправославных христиан и, наконец, обращение к митрополиту Сергию, в котором указано, что он не сохранил чистоту православных принципов и идей в своей декларации от 16 (29) июля 1927 года. С декларацией Сергия я не согласен по ряду моментов содержания ее, в частности, не согласен и с тем, что советская власть есть от Бога, тогда как она уничтожает все, что есть Божьего на земле.

Находясь в ссылке, я прилагал все старания не отрывать от жизни Православной Церкви, и в результате стараний мне изредка удавалось пользоваться кое-какими материалами, освещающими жизнь Русской Церкви...»

Для Иркутского ОГПУ епископ Василий оказался значительной и важной церковной личностью, и в Иркутске не решились принимать относительно него окончательное решение. В январе 1930 года он был отправлен в ОГПУ в Москву и

заключен в Бутырскую тюрьму. С ним вступил в переговоры Тучков и его заместитель Казанский. Отвечая на их вопросы, касающиеся отношения к советской власти, владыка сказал: «Что касается моего отношения к советской власти, то с церковно-религиозной точки зрения я не согласен с мнением митрополита Сергия, что советская власть является властью “богоустановленной”; в остальном же мое отношение можно определить так: пока эта власть являлась властью группы (части населения), я мог с ней не мириться, и потому я и призывал к поддержке Деникина, за что в свое время был приговорен Ревтрибуналом к расстрелу. По кассации приговор мне заменен пятью годами тюрьмы. В Деникине я видел только защитника православия и только потому поддерживал его.

Епископ Василий (Зеленцов). Москва, тюрьма ОГПУ. 1930 год

В настоящее время в политическом отношении я признаю советскую власть признанной всем народом, и потому политически законной, и поэтому считал и считаю себя нравственно обязанным искать мира с советской властью, хотя она нам его и не дает».

В начале февраля было составлено обвинительное заключение, в котором епископу ставилась в вину его прошлая деятельность, а также его требование бескомпромиссного отношения Церкви к враждебному для нее государству. 3 февраля 1930 года Коллегия ОГПУ приговорила владыку к расстрелу. Епископ Прилукский Василий был расстрелян 7 февраля 1930 года и погребен в

безвестной могиле на Ваганьковском кладбище в Москве.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Январь». Тверь. 2005. С. 317-337